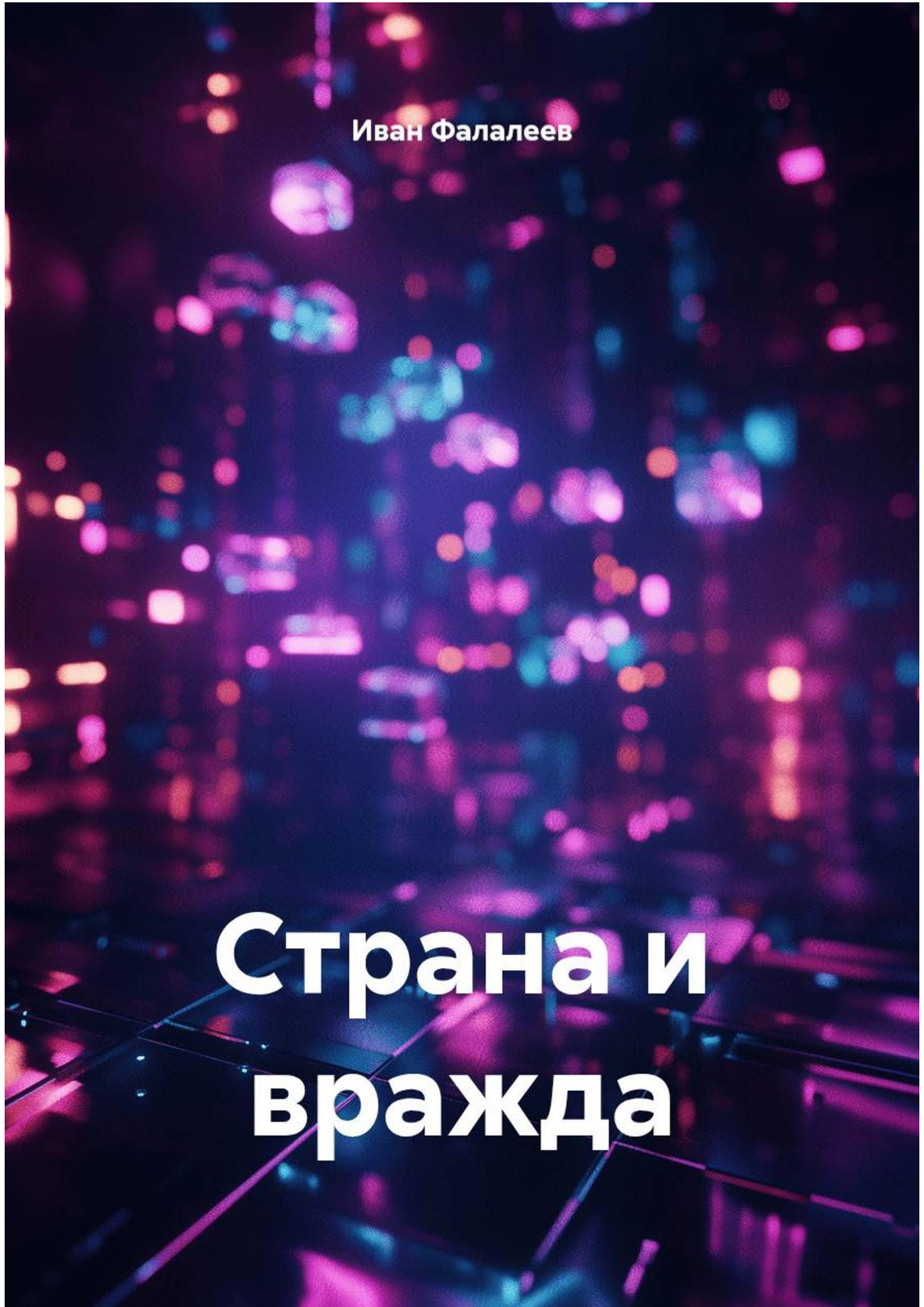

Иван Фалалеев
Страна и вражда

Иван Фалалеев

Страна и вражда

«Автор»
2026

Фалалеев И.

Страна и вражда / И. Фалалеев — «Автор», 2026

Десять детей, одно королевство и война до смерти. Вода, голод и вражда — без взрослых, без пощады.

© Фалалеев И., 2026
© Автор, 2026

Иван Фалалеев
Страна и вражда

Глава 1

СТРАНА И ВРАЖДА

Глава первая. Тот день, когда замолчали колокола

В Асколоне никогда не было богато. Но в Асколоне никогда и не было так тихо.

Королевство лежало в каменистой ложбине между двумя серыми хребтами, и ветер здесь дул всегда — с севера, злой, несущий пыль и запах остывшего камня. Десять человек жили в Асколоне. Ровно десять. Их было легко пересчитать по головам, и каждая голова знала по имени каждую другую.

Король Билл I, мальчик с обветренными руками и слишком тяжёлым взглядом для своих лет, сидел на троне, который был просто большим плоским камнем у стены замка. Замок назывался замком только по привычке: три стены, четвёртая обвалилась ещё до того, как Билл научился ходить, и её заменили досками. Доски скрипели. Всё в Асколоне скрипело, шаталось и держалось на честном слове.

Рядом с троном стоял министр хлеба — Тобиас, щуплый, с вечно испачканными мукой пальцами, хотя муки в Асколоне не было уже давно. Должность осталась, хлеб — нет. Слева от него переминался с ноги на ногу министр холода Мартин, мальчик в трёх свитерах сразу, потому что один свитер ничего не давал, а два — почти ничего. У дверей, скрестив руки, стояла Эльза, министр колодцев, — единственная, кто умел находить воду под камнями и не считала это чудом, а считала работой.

И был Джонатан.

Джонатан не был министром. Джонатан был другом. Точнее — Джонатан был тем, кто сидел рядом с Биллом на обвалившейся стене долгими вечерами, когда есть было нечего и оставалось только смотреть, как садится солнце за северный хребет, и говорить о том, каким Асколон станет, когда всё наладится. Они делили последнюю репу пополам — не по-честному, а по-настоящему: один откусывал, второй доедал, и никто не считал, кому досталось больше.

В тот день они поссорились.

Никто потом не смог вспомнить, с чего началось. Может, с репы. Может, с того, кому идти за хворостом в холодный овраг, где ветер сбивает с ног. Может, с того, что Джонатан сказал: «Ты сидишь на камне и думаешь, что ты король», — а Билл ответил: «А ты думаешь, что можешь говорить мне всё, что хочешь». Слова были маленькие, обычные, такие, какие говорят уставшие люди. Но в Асколоне усталость была не чувством, а погодой. Она стояла в воздухе, как пыль, и оседала на всех.

— Тогда забирай свой камень, — сказал Джонатан тихо.

— Это не камень. Это трон, — сказал Билл.

— Это камень, — сказал Джонатан. — И ты на нём один.

Он повернулся и ушёл. Не в другую страну — идти было некуда. Он ушёл за обвалившуюся стену, к северному склону, где стояла старая пастушья хижина без крыши, и остался там. С ним ушли двое: Агата, министр огня, девочка с обожжёнными пальцами, которая умела разжечь костёр из ничего, и младший брат Джонатана, Сэм, у которого не было никакой должности, потому что ему было восемь и он ещё не выбрал, кем хочет быть, — а теперь и выбирать стало незачем.

На стене замка остались семеро. На склоне — трое. Десять человек, разделённых не стеной — стены между ними не было, её никто не строил, — а чем-то хуже стены. Обидой. Той самой, которую нельзя потрогать, но которая стоит крепче любого камня.

Утром Билл вышел на обвалившуюся стену и сказал то, что потом повторяли все:

— Пока Джонатан не вернётся и не скажет, что это трон, а не камень, — между нами вражда. До смерти.

Он сказал «до смерти», потому что был ребёнком и не знал, как это звучит. А Эльза, стоявшая внизу, знала — и потому ничего не сказала, только крепче сжала рукоятку своей лопаты.

Джонатан, когда ему передали, ответил со склона, не поднимаясь:

— До смерти так до смерти.

И колокол Асколона — единственный колокол, треснувший, висевший на кривой балке у ворот, — в тот день не звонил. Звонить было некому и незачем. Колокол звонил, когда все были вместе. Теперь все вместе быть перестали.

Первую неделю войны никто не воевал. Воевать было нечем. В Асколоне не было оружия, кроме двух старых ножей, топора для хвороста и лопаты Эльзы, которой она копала колодцы и которой, если честно, копать колодцы было важнее. Война шла иначе: она шла холодом.

Мартин, министр холода, знал про холод всё. Он знал, что если заткнуть тряпками щели с северной стороны замка, внутри станет теплее на пол-градуса — а полградуса в Асколоне были разницей между «терпимо» и «невыносимо». И он знал, что если тряпки забрать, станет холоднее. Тряпки были общие, их рвали из старых рубах. И вот на восьмой день тряпки с северной стороны хижины Джонатана исчезли.

Их не украли. Их просто не дали. Билл сказал: «Пока он не вернётся — ничего общего». И это было первое настоящее оружие в этой войне: не меч, а отсутствие тряпки.

На склоне стало холодно. По-настоящему. Агата жгла костёр из сухого бурьяна, но бурьян горел быстро и грел мало, а Сэм кашлял всю ночь, и Джонатан сидел рядом с ним и смотрел на огонь, и в глазах у него было что-то такое, от чего Агата отворачивалась.

— Мы можем попросить, — сказала она однажды. — Просто попросить тряпок. Не мириться. Просто тряпок.

— Не можем, — сказал Джонатан. — Если попросим — значит, мы слабее. А если мы слабее — он победил. А он не должен победить.

— Почему?

Джонатан долго молчал. Потом сказал:

— Потому что тогда получится, что он был прав. Что это камень. Что я зря ушёл.

Он не сказал «что я его люблю и мне больно». Но Агата услышала именно это. Она была министром огня и умела слышать, что горит внутри, даже когда снаружи только дым.

На девятый день Билл собрал своих на совет — не на большой, а на маленький, у трона-камня.

— Еды осталось на четыре дня, — сказал Тобиас, министр хлеба, и руки у него дрожали. — Репа, немного крупы, соль. Если делить на семерых — четыре дня. Если на десять — три.

— На десять не делим, — сказал Билл.

— Они умрут, — сказала Эльза прямо. Она всегда говорила прямо, потому что лопата не умеет говорить иначе, и Эльза научилась у неё.

— Не умрут, — сказал Билл. — Они сильные. Джонатан сильный.

— Сэм не сильный, — сказала Эльза. — Сэму восемь.

Билл отвернулся. Он смотрел на северный хребет, и ветер трепал его волосы, и если бы кто-то посмотрел ему в лицо в эту секунду, он увидел бы, что Билл не злой. Билл — испуганный. Испуганный мальчик, который однажды сказал «до смерти» и теперь не знал, как это отменить, потому что отменить — значит признать, что сказал зря. А признать, что сказал зря, — значит снова стать просто мальчиком на камне, а не королём.

— Министр колодцев, — сказал он официально, потому что официальность помогала держать голос ровным. — Есть ли вода на северном склоне?

Эльза помолчала.

— Есть, — сказала она. — Родник под камнем у старой хижины. Я его нашла в прошлом году. Он слабый, но он есть.

— Тогда они не умрут от жажды, — сказал Билл. — А от голода... от голода они придут.

Он сказал это как приговор. Но Эльза услышала в этом надежду — и запомнила. Потому что если Джонатан придёт первым, Билл сможет его простить. А если Билл придёт первым — не сможет уже никто.

Через два дня на границе — а граница была просто линией, где кончался двор и начинался склон, — появился Сэм. Один. Он шёл медленно, потому что был маленький и потому что нёс в руках что-то, завёрнутое в тряпку.

Он остановился на линии.

— Это вам, — сказал он тихо.

Тобиас развернул тряпку. Там были ягоды. Горсть поздних, сморщенных, северных ягод — тех, что растут на камнях и стоят труда, потому что собирать их — значит лазить по склону, где можно сорваться.

— Откуда? — спросил Билл.

— Джонатан собирал, — сказал Сэм. — Всю ночь. Он не знает, что я понёс. Он бы не разрешил. — Сэм шмыгнул носом. — У нас нет хлеба. Совсем. И я подумал... вы же тоже люди.

Тишина на дворе стала такой, что стало слышно, как ветер шевелит треснувший колокол.

Билл смотрел на горсть ягод. Маленьких, сморщенных, собранных ночью на склоне человеком, который сказал «до смерти так до смерти» и не отменил своих слов.

— Скажи Джонатану, — сказал Билл медленно, и голос у него был чужой, — что мы не берём подачек.

Он сказал это. И в ту же секунду понял, что сказал неправильно. Но слово уже вылетело, а слово в Асколоне, где жили десять человек, было тяжелее камня.

Сэм кивнул — не обиженно, а как-то сразу ссутулившись, будто стал старше на десять лет за одну секунду. Завернул ягоды обратно в тряпку. Повернулся.

— Сэм, — сказала Эльза.

Он остановился.

— Ты ничего не сделал плохо, — сказала она. — Слышишь? Ничего.

Сэм не обернулся. Пошёл вверх по склону, маленький, в слишком большой куртке, и ветер толкал его в спину, будто гнал домой.

В ту ночь на склоне горел костёр — долго, до утра. А во дворе замка никто не спал. Билл сидел на своём камне и смотрел на этот огонь через обвалившуюся стену, и Мартин, министр холода, стоял рядом и молчал, потому что знал: иногда самый страшный холод — не тот, что снаружи.

На третий день после этого Джонатан спустился к линии границы сам.

Он не нёс ягод. Он нёс топор.